

Отец хотел его видеть строителем, а он пошел в прокатчики КАКОГО РОДУ-ПЛЕМЕНИ, МАМАЙ?

Фамильные совпадения

Ровно полвека назад по стране прогремело имя донбасского шахтера Николая Мамаю, призвавшего своих коллег ежедневно перевыполнять личные нормы выработки не менее чем на тонну.

Почин подхватили не только угольщики, но и работники всех областей народного хозяйства страны. Так родилось «мамаевское движение». И присвоение звания Героя Социалистического Труда украинскому шахтеру в 1957 году закономерно. А спустя ровно год звания героя труда удостоен магнитогорец Иван Максимович Сабельников, инициировавший перевод нагревательных печей на высококалорийное топливо – мазут, результатом которого стало повышение производительности сортовых станов...

В 1973 году вряд ли подозревали гости свадьбы, к какому «историческому событию» они прикоснулись, когда пришли поздравить со вступлением в брак студентов Магнитогорского индустриального техникума Александра Мамаю и Нину Сабельникову – две славные ветви переплелись... Вальцовщик десятого листопркатного цеха Александр Григорьевич Мамаю выдвинутую мной версию породнения героических семейств воспринимает с улыбкой. Что касается его супруги Нины Ивановны, это факт неоспоримый: дочь героя. А вот он – настаивает: племени самого что ни на есть обыкновенного. Впрочем, признается: отец его Григорий Андреевич и впрямь родом из Донбасса. Был шахтером, а во время войны молодого парня оккупанты угнали в Германию. На Магнитку, минуя родные края, он угодили по «доброй воле» отцов страны. Женился на дочери раскулаченных крестьян Марии.

Смутно вспоминает Александр времена, когда его, четырехлетнего пацаненка, повезли на родину отца. Не погостить, а обосноваться надолго. Григорий Андреевич по мамаевской традиции подался было в шахтеры, да супруга после нескольких лет бесконечных переживаний за мужа настояла на возвращении в Магнитогорск, «поближе к своим, подальше от опасности».

Мечты сбываются

Как знать, возможно, останься их семейство на Украине, наверняка знал бы Александр Григорьевич, кем приходится ему Мамаю-герой: седьмой водой на киселе, а может, и кем поближе. Да и не привык магнитогорский Мамаю оглядываться на славу родственников. Отец хотел видеть его себе под стать строителем, а Александр пошел в прокатчики. Но, насколько странным это ни покажется, на комбинат его привела «каникулярная» подработка с геодестамистами из Спецпромстроя.

– Как раз в то время возле четвертого листопркатного цеха объект возводили. Я там держал полосатую рейку, – вспоминает Александр Мамаю. – Но хотелось посмотреть, что творится за стенами цеха. И вот, когда я увидел горячий металл, не на шутку им заболел.

Не излечило выпускника индустриального техникума даже направление как одного из самых успешных студентов в престижный «пятый лист». «Все не то!» – решил про себя молодой специалист и направился в горячий ЛПЦ-2. Здесь, понятно, работу вальцовщика «зеленому» не доверили, зато подпустили к дроссировочному стану: сначала с мелкой, потом – с отбойным молотком. Это чтобы после отжига приваренную

ФОТО АНДРЕИ СЕВЕРЬКОВА

обручку отрывать. После первой ночной смены даже пальцы не разгибались. Зато вскоре, когда в армию пошел, оказался Мамаю-солдат на высоте: на турнике равных ему не было. И все же по возвращении домой приступить к «дрессуре» металла не захотел. В мечтах он видел себя сидящим за ручками поста управления горячим прокатным станом...

Честно говоря, трудно представить себе технаря в образе мечтателя. Тем более, что грезы эти – сплошь металлургические. Даже в сорок с лишним лет Александр Григорьевич Мамаю, став уже первоклассным оператором, не переставал фантазировать на тему: «А чего бы еще такого достичь?» В восьмидесяти магнитогорские спецы стремились попасть на стройки металлургических заводов за рубежом: престиж, возможность самореализации, приличные заработки.

Однажды донесли до магнитогорцев из Индии, что-де стан построили, а пустить не могут. «Закрутили», а прокатать металл не в состоянии. Поговаривали даже, что оператором главного поста там вообще был повар из Киева. Может, это и шутка, но, как бы там ни было, позвали на интернациональный объект специалиста из четвертого цеха – Владимира Уймина. Тот приезжает, настраивает стан. С первой «штуки» все поехало. Рассказывают, за такой подвиг наш прокатчик получил награду от самой Индиры Ганди.

Только Александру Мамаю было заманчиво пустить новый стан не на чужой, а на своей магнитогорской земле. И такая перспектива появилась. Когда его позвали в «первопроходцы» на строящийся стан «2000», согласился без промедления. А ведь уходил он не только на меньшие деньги, но и на огромные трудности. Выходит, мечты все же сбываются...

Наш космос

Помните, много лет назад, после первого визита на пульт управления чистовыми клетями стана «2000», меня так и подмывало сравнить его с кабиной космического корабля. Потом не раз смело вторила бывалым цеховикам, называя их «пускачами». А тут недавно узнала, что точно так же на космодромах называют технических руководителей стартов...

Александр Мамаю, формально

принятый на работу в строящийся десятый листопркатный цех на должность оператора, фактически более чем на год стал и наладчиком, и вальцовщиком, и испытателем. Здесь все начиналось с полигона. Не было оборудования, даже технологических инструкций. Собранные из цехов горячей прокатки технологи не имели достаточного опыта работы на подобном стане. Без преувеличения, более года когорта первооткрывателей жила в строящемся цехе. На осень девяносто третьего пришлось пуск черновых клетей.

– Сложности были. Без застреваний пустили с первой штуки. Правда, стартовая заготовка застряла на вертикальном окалиноломателе. Снова пустили на большей скорости. Поехали ровно. Самое главное было – не застрять на последующих трех клетях, – вспоминает Александр Григорьевич.

Но дальше сложнее. Комплекс черновых клетей уже выдавал товар – толстые недокаты, а другие участки агрегата еще предстояло настраивать. Этот ответственный этап пришелся уже на зимний период. Мороз жуткий! Завалка чрезвычайно затруднена: клетки и все металлические части сжаты, неподатливы. Гидравлика имела не везде, валки выставили практически вручную. Автоматика – в полуживом состоянии. Словом, при освоении чистовых клетей без застреваний не обошлось. Очерредные семь клетей – и снова на стройка, завалка.

– Здесь вообще было трудно. Не было синхронизации нажимных винтов, – делится пережитым Мамаю. – Выравниваешь клеть, прижимаешь ее, но чуть начинаешь поднимать – перекося. Довольно долго думали, как исправить ошибку. И вот случайно встречаю начальника горячего стана «две пятсот» Анатолия Ивановича Колычева, делюсь проблемами. И – вот что значит опыт: тот предлагает на пробу поработать на алюминии. Взяли мы из ККЦ алюминиевые прутки и начали пускать через каждую клеть. Так «народный» способ помог уточнить толщину. Даже в пусковое лето еще остро стояли вопросы по гидравлике, электрике...

По признанию нашего героя, год был сумасшедший: осваивали новое оборудование, описывали каждую кнопку и всякую манипуляцию, наставляли новичков. Только и последние годы преподносили сюрпри-

зы и неожиданности. Рабочий график – сутки пополам – был еще долго популярен среди специалистов ЛПЦ-10. И даже сегодня, спустя четырнадцать лет, поколение «пускачей» живет пусть уже не в авральном, но все же напряженном режиме.

Горячий перевал

Само слово «перевалка» имеет над прокатчиками магическую власть. Лишь пять минут назад технологи, подчиненные ускорению горячего стана, вели процесс прокатки, но уже все – вплоть до операторов, дружно поднялись с «насиженных» мест. Обычно безлюдная площадка перед клетями оживает, на смену шуму механическому приходит гул людской. По опыту знаю, в такие моменты беспокоит народ не стоит. Да и приближаться к мужской команде «перевальщиков» нежелательно: напряженный процесс нет-нет да подкрепляется крепким словом. И на этот раз: вхожу в цех, а вокруг пугающая слух тишина. Опять на перевалку угодила! На посту моталок очаровательная контролер ОТК кивает в сторону последних клетей – Мамаю где-то там. В людской кутерме и мраке клетей пытаюсь рассмотреть «своего» вальцовщика. Каким-то шестым чувством просекаю – это и есть он. Но... почему-то роста невысокого, интеллигентные очки, белая каска, чистенький рабочий костюм. Машу рукой. Отвечает. Точно он! И так же, знаками, просит подождать, а сам прямою к моталкам.

Затем в качестве «извинения» за необходимость подождать – подробный «отчет о текущем моменте». Утренняя пятничная перевалка особенная: за 35 минут надо весь более чем километровый организм стана подготовить к бесперебойной работе в выходные. Это уж потом через каждые 100–120 километров прокатанного металла технологи будут менять «цилиндрическую начинку» клетей. А тут – «капитальная» ревизия и экстренная помощь «уставшим» узлам.

Мы с Мамаем направляемся в «девятую будку». Название для солидных размеров корпуса внутри цеха кажется забавным. Мамаю объясняет: наследие от польских строителей – каждое сооружение они называли будкой. Десятый листопркатный, как нынче многие цехи на комбинате, вообще по происхождению ин-

тернационален. Корпуса возводили представители Польши, сам стан – от украинских машиностроителей. Чехия и Словения поставляют валки. После значительного затухания Уралмаша прокатчики завели дружбу с машиностроителями из Казахстана. Да и к заграничным «родителям» агрегата, новокраматорцам, нередко приходится обращаться за помощью.

– Так что орден Дружбы народов, как я теперь понимаю, мне и моим коллегам после пуска цеха не зря вручили, – подмечает Мамаю. – А в начале девяностых у нашей страны, видимо, просто не оказалось иных «приличествующих» случаю наград.

По поводу нынешнего присвоения звания «Заслуженный металлург России» Александр Григорьевич пока отмалчивается: еще не сумел «переварить». Нет, он вовсе не опасается кривотолков в коллективе: весь на виду, и прятаться ему незачем. Да и от кого прятаться? От своих же учеников, коих и в десятом, и четвертом «листе» не счесть? Многие уже в высокие начальники вышли. Так что здесь Мамаю – свой среди своих. И нет в этом утверждении ни капли преувеличения. Чужаки по духу, характеру, отношению к работе в горячем цехе не задерживаются. Здесь нельзя слухавить, обмануть, просто оттолкнуться, потому что за нерадивость одного в ответе оказываются сотни других. Как любил говаривать один из начальников стана «2500» горячей прокатки, работу нельзя, мягко выражаясь, обмануть.

– Линия стана большая, операторов и вальцовщиков много. Не друзьями тут нельзя быть, – утверждает Александр Григорьевич. – Даже ссориться недопустимо. Пospорить по-деловому – пожалуйста! Но подлапки у нас не пройдут.

По словам Мамаю, работа на грани фола – это умение специалиста держать баланс между трезвым расчетом и разумным риском. Перестраховаться, струсить, замяться в нерешительности для прокатчика равно поражению в схватке с горячим металлом. Так что середнякам среди них места нет. Каждый – герой, каждый заслуживает уважения.

Человек-работа

Видимо, так оно по всему и выходит, что герой мой – человек-работа. В цехе от зари до зари. В любимом супругой Ниной Ивановной саду погони морковки от сорняка не отличит. Зато уж в отпуске точно безраздельно принадлежит семье: сыну Григорию, дочери Маргарите и внуку Алеше. Предпочитает отдыхать на лоне Банного или Абзакова, а на будущий год мечтает побывать в Майкопе у двоюродной сестры...

Стоп! Еще одно фамильное совпадение: прославленный украинский шахтер Мамаю родом из-под Майкопа. Александр Григорьевич вновь улыбается на мое «генеалогическое открытие»: мало ли на Кубани Мамаев? Пытаюсь поспорить: но ведь деда-то его его, Андрея Тимофеевича Мамаю, в свое время что-то позвало из угленосных степей Донбасса на благодатную Кубань? Может, корни? Ведь так хочется верить, что не случайно наш магнитогорский Мамаю по природной закваске своей, по образу жизни и мыслей – труженик до мозга костей. Он ведь с орбиты «мамаевского движения».

ТАТЬЯНА ТРУШНИКОВА.